
Лолита Ланская
Отвергнутая принцем драконов, но забравшая короля

Лолита Ланская

Отвергнутая принцем драконов, но забравшая короля

https://litres.ru/74789947
SelfPub; 2026

Аннотация

Принц драконов пришёл объяснить, что никогда меня не полюбит. А я даже обрадовалась: хотелось, чтобы красавец замолчал и позвал врача.

Ещё вчера я была Любой, сорокалетней продавщицей одежды. Потом — мокрая дорога, свет фар Теперь я в теле двадцатитрёхлетней дворянки, а все ждут, что начну рыдать из-за принца. Спасибо, уже наплакалась в прошлой жизни! Мне бы мужчину постарше, который умеет не только красиво входить в комнату.

Например, его отца. Да, короля с сединой на висках, тёплыми руками и неприлично привлекательной улыбкой. Поправить ему воротник я могу. А вот сохранить невозмутимость, когда он предлагает остаться на завтрак, — уже сложнее.

Только двор решил, что я мщу наследнику. Кто-то грозит обнародовать чужие любовные письма, кто-то готовит королю совсем не романтический сюрприз. И пока придворные выясняют, кого я пытаюсь околдовать, мне предстоит убедить

одного упрямого дракона: я хочу быть любимой, а не спрятанной ради безопасности.

Принца оставьте себе. Выбираю короля.

Содержание

Глава 1. Молодой человек, отойдите от кровати 5
Глава 2. У вас воротник неправильно лежит 31
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Лолита Ланская
Отвергнутая принцем драконов, но забравшая короля

Глава 1. Молодой человек, отойдите от кровати

– Лиана, пожалуйста, не нужно смотреть на меня так. Я пришёл узнать, как вы себя чувствуете, и мне очень не хотелось бы, чтобы вы опять всё неправильно поняли.

Мужчина возле моей кровати говорил негромко, с той особенной осторожностью, с какой обычно сообщают неприятную новость человеку, от которого заранее ждут слёз. Лица я пока толком не видела: за его плечом находилось окно, и от света больно резало глаза. Зато прекрасно различала раздражение, которое он старательно прятал за вежливостью. Я закрыла веки, надеясь, что он продолжит выяснять отношения с этой своей Лианой где-нибудь в другом месте.

Во рту было сухо. Под затылком лежала слишком мягкая подушка, от которой пахло травами, а где-то совсем рядом потрескивало что-то, подозрительно похожее на дрова в ка-

мине. Последнее, что я помнила, к постели и камину никакого отношения не имело: я переходила дорогу возле торгового центра.

Шёл мелкий, противный дождь, от которого зонт почти не помогал, потому что ветер выворачивал его при каждом порыве. Смена закончилась поздно: последняя покупательница никак не могла решить, достаточно ли дорого выглядит блузка, чтобы идти в ней на юбилей бывшего мужа. Мы перебрали четыре варианта, дважды обсудили её талию, которую она считала катастрофой, и в итоге выбрали тёмно-зелёную, хотя женщина с порога заявила, что зелёный ей не идёт.

Я закрыла магазин, написала Ирке, что наконец освободилась, и пошла к остановке. На светофоре загорелся зелёный человечек. Слева притормозила машина, и я шагнула на переход, придерживая у плеча сумку. А потом из-за остановившейся машины вылетела другая. Я успела увидеть свет фар на мокром асфальте и почему-то подумала, что водитель сейчас затормозит. Он же не может меня не заметить.

На этом воспоминание заканчивалось. Я резко открыла глаза и попыталась приподняться.

– Осторожнее. – Мужчина наклонился ко мне и придержал за плечо. – Лекарь сказал, вам нельзя делать резких движений.

Я посмотрела на его руку, затем на собственное плечо, прикрытое белой тканью. Никаких проводов, никакого больничного браслета. На мне была не моя футболка и не одно-

разовая сорочка, а длинная рубашка с мелкими сборками у горла. По её краю шла такая тонкая вышивка, что я даже в полубессознательном состоянии отметила: работа ручная.

За спиной мужчины находилось огромное окно с узкими створками. Возле него стояло кресло на изогнутых ножках, а дальше, в глубине комнаты, действительно горел камин.

– Где я? – спросила я и тут же замолчала.

Голос был чужой. Не просто осипший после сна или болезни, а другой по самому звучанию. Выше моего, мягче, без привычной хрипотцы, которую я нажила за годы разговоров с покупателями. Мужчина убрал руку с моего плеча.

– В своих покоях. Вас перенесли сюда вчера вечером. Неужели вы ничего не помните?

Теперь, когда он отступил от окна, я смогла его рассмотреть. Красивый, этого не отнять: светлые волосы, прямой нос, чётко очерченные губы, глаза необыкновенно чистого голубого цвета. Лет двадцать семь, может, чуть больше. Тёмно-синий кафтан сидел на нём безупречно, золотая вышивка по вороту выглядела дорогой, но не кричащей. В магазине я бы сразу поняла, что такой человек привык к хорошим вещам и вниманию окружающих. Причём внимание, судя по выражению лица, ценил даже выше вещей.

– Меня сбила машина, – сказала я, пытаясь сглотнуть. – На переходе, возле торгового центра. Вы были там? Видели, что произошло?

Он нахмурился.

– Какая машина, Лиана? Вас нашли в северной галерее.

Я перевела взгляд на камин, потом снова на него.

– В какой галерее?

– В старой северной. Возле лестницы в зимний сад. – Он помедлил, словно решал, стоит ли продолжать. – Послушайте, я понимаю, что наш вчерашний разговор вас огорчил, но вы должны были уже давно осознать…

– Подождите, – перебила я, подняв руку. – Давайте вы пока не будете рассказывать, что я должна была осознать. У меня очень болит голова.

Рука осталась перед глазами. Тонкие пальцы, светлая кожа, аккуратные овальные ногти без лака. На большом пальце не было белого рубчика, оставшегося после неудачной встречи с консервной банкой. На указательном – маленького ожога, который я получила неделю назад, когда пыталась на ходу погладить блузку.

Я медленно повернула ладонь. Мужчина продолжал что-то говорить, но я уже не слышала. Моя рука была другой. Я коснулась лица, провела пальцами по щеке, по подбородку, по губам. Зацепила тяжёлую прядь волос, лежавшую на груди, и вытянула её перед собой. Светлая коса – длинная, толстая, настоящая. У меня были короткие каштановые волосы. В прошлый четверг я подстриглась, ещё пожаловалась Ирке, что мастер опять убрала с затылка больше, чем я просила.

– Лиана, вы меня вообще слушаете?

Я подняла на него глаза.

– Молодой человек, отойдите от кровати.

Он замолчал с таким видом, будто я неожиданно предложила ему встать на четвереньки.

– Простите?

– Отойдите, пожалуйста. Мне и так нехорошо, а вы стоите прямо надо мной. – Я попыталась устроиться повыше, но локоть скользнул по шёлковой простыне. – И позовите врача. Лекаря, как вы его назвали. Кого-нибудь, кто сможет объяснить, что со мной случилось.

Он протянул руку, собираясь помочь, однако я невольно отшатнулась. Наверное, именно тогда он впервые заметил, что я действительно напугана.

– Вы меня не узнаёте? – спросил он уже без прежнего раздражения.

Я покачала головой.

– А должна?

Его губы чуть приоткрылись. Некоторое время он смотрел на меня молча, потом произнёс:

– Риан. Вы прекрасно знаете, кто я.

– Риан, послушайте меня внимательно, – попросила я, изо всех сил стараясь не сорваться на крик. – Я не понимаю, где нахожусь. Я не знаю, почему у меня… – Я снова посмотрела на свои руки и не смогла закончить. – Мне страшно. Вы можете просто позвать человека, который мне поможет, а все остальные разговоры оставить на потом?

Он резко отвернулся к двери.

– Марта! Кто-нибудь, позовите сюда Марту!

Дверь открылась почти сразу. В комнату вошла женщина с кувшином в руках, за ней показалась совсем молоденькая девушка с подносом. Увидев меня сидящей, женщина остановилась так резко, что вода плеснула через край.

– Госпожа, вы очнулись! Ох, да не двигайтесь вы так, сейчас я…

Она поставила кувшин на ближайший столик и подошла к кровати. Двигалась быстро, но без суеты, как человек, который привык в любой непонятной ситуации сначала поправить подушку, подать воды и убедиться, что больной не свалится на пол. Это внушало куда больше доверия, чем красота моего посетителя.

– Позовите Эмриса, – приказал Риан девушке у двери. – Немедленно. Скажите, леди Велл пришла в себя, но у неё… она ничего не помнит.

Девушка поспешно присела в поклоне и исчезла. Женщина тем временем подсунула мне за спину ещё одну подушку.

– Ваше Высочество, лекарь просил не тревожить её вопросами, когда она очнётся, – осторожно заметила она, не поднимая глаз.

Я посмотрела на мужчину. Высочество. Понятно, видимо, ударилась я очень сильно.

– Я не тревожил её вопросами, – ответил он чуть суше, чем следовало.

Женщина ничего не сказала, только поднесла к моим гу-

бам чашку. Я вцепилась в неё обеими руками и сделала слишком большой глоток. Вода пошла не в то горло, я закашлялась, зажмурилась от боли и почувствовала, как по щекам потекли слёзы.

– Потихоньку, госпожа, не торопитесь. – Женщина придержала чашку. – Вот так. Ещё немного, маленькими глотками.

Риан стоял возле изножья кровати. Теперь на его красивом лице было отчётливо видно замешательство.

– Лиана, я зайду позже, когда вы будете чувствовать себя лучше.

Я хотела сказать, что в этом нет никакой необходимости, но сил на новый разговор уже не осталось. Поэтому просто кивнула. Он задержался ещё на мгновение, словно ждал, что я его остановлю, а потом вышел. Женщина проводила его взглядом и только после того, как закрылась дверь, шумно выдохнула.

– Вы Марта? – спросила я, посмотрев на неё поверх чашки.

– Да, госпожа. – Она села на краешек стоявшего возле кровати стула. – Вы и меня не помните?

В её голосе было столько осторожной надежды, что мне стало стыдно.

– Нет. Простите.

Марта прижала губы друг к другу и кивнула, будто я сообщила нечто неприятное, но вполне ожидаемое. Вблизи она

оказалась моложе, чем мне показалось сначала. Чуть за тридцать, с усталым лицом, карими глазами и рыжеватыми волосами, убранными в тугой пучок. У виска выбилась короткая прядь, и Марта машинально заправила её, даже не заметив, что через секунду та снова упала на щёку.

– Ничего, – сказала она. – Главное, вы проснулись. Остальное мы как-нибудь…

– Мне нужно зеркало.

Она замерла.

– Госпожа, может быть, сначала дождёмся лекаря? Вы очень бледная, и повязку ещё не снимали…

– Марта, пожалуйста.

Не знаю, что она услышала в моём голосе, но возражать больше не стала. Поднялась, подошла к столику у стены и принесла небольшое овальное зеркало с серебряной ручкой. Прежде чем отдать его мне, зачем-то протёрла поверхность краем фартука.

Я взяла зеркало. Сначала увидела потолок с тёмными резными балками, потом часть подушки. Чуть повернула ручку – и на меня посмотрела незнакомая девушка. Молодая, очень молодая. Светлые волосы были заплетены небрежно, у левого виска под ними белела узкая повязка. Серые глаза казались огромными на бледном лице. Нос был тоньше моего, губы полнее, подбородок совсем другой.

Я подняла руку к щеке, и девушка сделала то же самое. Открыла рот – и она открыла рот вместе со мной. Я знала,

как выглядит моё лицо. Не только на фотографиях, где можно выбрать хороший ракурс, а утром в ванной, под беспощадным светом лампы. Знала складочку возле правого глаза, родинку под нижней губой, едва заметную неровность брови. За сорок лет я привыкла ко всему этому настолько, что давно не рассматривала себя по частям.

Сейчас ничего знакомого не было. Я повернула зеркало чуть вправо, потом влево, как будто могла поймать правильный угол и вернуть себе хотя бы что-нибудь.

– Это… – Голос сорвался, пришлось откашляться. – Марта, сколько мне лет?

Она побледнела почти так же сильно, как я.

– Двадцать три, госпожа. В начале весны исполнилось.

Я продолжала смотреть в зеркало. Кто-то убрал из моего лица семнадцать лет, сменил глаза, нос, губы, волосы – и оставил меня внутри. От этой мысли к горлу подкатила тошнота.

– Уберите его, – попросила я.

Марта сразу забрала зеркало, а я прижала ладони ко рту и попыталась вдохнуть. Воздух проходил плохо. Грудь стянуло, в ушах зашумело. Мне казалось, что, если я сейчас заплачу по-настоящему, остановиться уже не получится.

– Я не понимаю, – выговорила я сквозь пальцы. – Господи, я ничего не понимаю…

Марта осторожно коснулась моего запястья.

– Сейчас придёт мастер Эмрис. Он вам всё объяснит,

только не пугайтесь так, пожалуйста.

Она сама едва не плакала, и это почему-то помогло. Я посмотрела на её руку: широкая ладонь, короткие ногти, царапина возле костяшки. Обычная человеческая рука, в которой не было ничего невозможного. Я ухватилась за неё и уже не отпустила, даже когда дверь снова открылась.

* * *

Лекарь оказался худощавым пожилым мужчиной с седой бородой и очень внимательными глазами. Он не ахал, не суетился и не спрашивал, почему я довела себя до такого состояния, за что я сразу почувствовала к нему благодарность. Выслушав Марту, он подвинул стул ближе к кровати.

– Я Эмрис, придворный лекарь. Мы уже встречались, но, судя по тому, что мне сообщили, представиться заново будет нелишним. Позволите посмотреть вашу руку?

Я протянула запястье, ожидая, что он проверит пульс. Он и проверил. Положил два пальца туда, куда обычно кладут врачи, некоторое время молчал, потом попросил посмотреть на него, проследить глазами за движением руки и сказать, не двоится ли изображение. Всё это было настолько привычно, что я начала понемногу успокаиваться.

До тех пор, пока между его пальцами не появился свет. Не блик от окна и не отражение огня: тонкая золотистая нить повисла в воздухе, медленно изогнулась и легла мне на запястье. Я ощутила тепло, которое скользнуло под кожу и поднялось к локтю. Руку я выдернула так резко, что едва не за-

дела чашку.

– Это что такое?!

Эмрис сразу отстранился.

– Простите. Следовало предупредить. Обычная проверка, она не причинит вам вреда.

– Чем вы это делаете? – Я смотрела на его пустые пальцы. – Где у вас… прибор?

Он переглянулся с Мартой. Я заметила этот взгляд, и мне стало ещё страшнее.

– Леди Велл, вы помните, что такое целительская магия?

Я медленно покачала головой. Эмрис не стал объяснять мне очевидное для него слово с таким видом, будто разговаривает с дурочкой. Вместо этого положил руки на колени, чтобы я их хорошо видела.

– С её помощью я могу понять, где у вас болит, и немного облегчить состояние. Сейчас я хотел проверить, как вы восстанавливаетесь после вчерашнего. Больше ничего без вашего разрешения делать не стану.

Я посмотрела на запястье. Следов не осталось, но руку всё ещё приятно согревало, а головная боль немного ослабла. Этому я не могла придумать никакого объяснения.

– А вчера что было? – спросила я. – Только расскажите нормально, пожалуйста. Не так, будто я и без вас всё знаю.

Он кивнул.

– Вас нашли в северной галерее без сознания. Вы ударились головой, но сам удар был не настолько сильным, чтобы

объяснить ваше состояние. Когда меня позвали, дыхание едва ощущалось, а сердце билось с большими перебоями.

Марта сжала мою руку. Я услышала, как у неё дрогнул вдох.

– Я могла умереть? – спросила я.

Эмрис не отвёл глаз.

– Да. Мы опасались, что не сможем вам помочь. Но к утру состояние стало устойчивым, а теперь вы разговариваете со мной. Это хороший признак, даже если сейчас вам трудно в это поверить.

Я посмотрела на него и вдруг очень ясно вспомнила фары. Не здесь, там, на дороге. На мгновение мне снова почудился дождь на лице.

– Вы знаете, почему я упала?

– Пока нет. Мы рассчитывали, что вы сможете что-нибудь вспомнить.

Я покачала головой.

– Последнее, что я помню, – я шла домой.

Он выждал, давая мне возможность продолжить. Но продолжать было нечего. Не рассказывать же ему про торговый центр и автомобиль после того, как он на полном серьёзе показал мне магию.

Возможно, я лежала в коме и всё это мне снилось. Возможно, у меня было повреждение мозга, которое заставляло видеть чужое лицо вместо собственного. Я не знала, что бывает с людьми после аварий, кроме того, что показывают в

сериалах, и очень не хотела проверять остальные варианты на себе. А если всё происходящее настоящее… До конца эту мысль я пока не додумала.

– Со мной что-то не так? – спросила я. – Я имею в виду… с головой. Кроме удара.

Эмрис чуть наклонился вперёд.

– Вы пережили тяжёлое потрясение. Сейчас было бы странно требовать от вас хорошего самочувствия и ясных воспоминаний. Давайте не будем делать выводы в первый же час после пробуждения.

– А память вернётся?

Он помолчал, и мне понравилось, что он не ответил сразу.

– Я на это надеюсь. Но обещать вам то, в чём пока не уверен, было бы нечестно.

Я прикрыла глаза.

– Тогда уберите, пожалуйста, хотя бы головную боль. С остальным я попробую разобраться потом.

На этот раз я позволила ему закончить осмотр. Золотистое тепло коснулось виска, потекло за ухо, мягко охватило затылок. Я сидела неподвижно и крепко держала Марту за руку. Боль не исчезла полностью, но отступила настолько, что я впервые смогла нормально вдохнуть.

Потом Эмрис ненадолго положил возле моего запястья прозрачную пластину. На ней проступили тонкие светлые линии. Лекарь объяснил, что сохраняет запись осмотра, чтобы позже сравнить, как идёт выздоровление, и убрал пласти-

ну в футляр. Я не стала расспрашивать: на этот день новых чудес уже хватало.

Эмрис дал Марте несколько указаний, велел принести бульон и предупредил меня, что вставать пока лучше только с помощью. У двери он остановился.

– И ещё, леди Велл. Сегодня вам не нужно ни о чём тревожиться, кроме отдыха. На любые вопросы можно ответить позже.

Это было хорошее предложение. Жаль только, что больше всего вопросов было у меня самой.

* * *

Когда за лекарем закрылась дверь, я наконец отпустила Мартину руку. На её запястье остались красные следы от моих пальцев.

– Простите, я вас, кажется, совсем измучила.

Она посмотрела на руку с таким удивлением, будто только сейчас заметила, что я всё это время за неё держалась.

– Да что вы, госпожа. Я вчера гораздо сильнее измучилась, когда вас принесли. Вы лежали такая тихая, и губы… – Она запнулась, поспешно поднялась и принялась поправлять одеяло. – Хорошо, что всё обошлось. Сейчас поедите, потом поспите, а завтра, глядишь, и вспомните.

Я не стала говорить, что боюсь уснуть. Вдруг проснусь ещё где-нибудь. Вместо этого попросила помочь мне умыться.

Марта поставила на столик таз, налила тёплой воды и принесла полотенце. Мне удалось сесть на край кровати, хотя

пол неприятно качнулся, едва ноги коснулись ковра. Ступни тоже были чужими – уже и меньше моих. Я посмотрела на них и поспешно отвела глаза. Пока хватит.

Умывание немного помогло. Тёплая вода, мягкая ткань полотенца, понятные движения – во всём этом было что-то привычное. Я вытерла лицо, убрала с него мешавшую прядь и посмотрела в окно. С кровати мне была видна часть двора, крыши соседних зданий и высокая башня с зелёным острым шпилем. Ни одной машины, ни одного электрического провода. Внизу двое мужчин в одинаковых тёмных куртках вели лошадь, а женщина с корзиной на бедре торопилась через двор, приподнимая длинную юбку.

Я разглядывала их с такой надеждой увидеть хоть что-нибудь знакомое, что даже наклонилась вперёд. Может быть, съёмки, большая историческая площадка, какой-нибудь музейный комплекс. Только лица в зеркале это всё равно не объясняло.

– Марта, а где мы находимся? Не в какой комнате, а вообще.

Она поставила передо мной поднос, потом осторожно присела рядом.

– В королевском дворце, госпожа.

– А дворец где?

– В столице Арвеля. Вы приехали ко двору почти год назад.

Название мне ничего не сказало. Я взяла ложку, опустила

в бульон, потом положила обратно.

– И тот мужчина, который здесь был… Риан. Он действительно принц?

– Конечно. Его Высочество – наследник престола.

Она произнесла это с такой уверенностью, с какой я назвала бы цену куртки, которую весь день продавала. Значит, не шутка. По крайней мере, для неё.

– А я кто?

Марта растерянно посмотрела на меня.

– Леди Лиана Велл.

– Это я уже поняла. Я имею в виду… мы с ним родственники? Или он мой жених?

Марта покраснела. Не сильно, но достаточно, чтобы я заметила.

– Нет, госпожа. Помолвки не было.

Она сказала это слишком осторожно. Я вздохнула.

– Но хотелось, чтобы была, да?

Марта опустила глаза на поднос.

– Вы очень любили Его Высочество.

Некоторое время я молчала. Получалось, он не просто так пришёл сообщить больной женщине, что ничего к ней не испытывает. Видимо, разговор этот действительно происходил не впервые. От этого его поведение не стало приятнее, но хотя бы обрело какой-то смысл.

– А он? – спросила я, хотя ответ уже знала.

Марта потянулась поправить салфетку под тарелкой.

– Его Высочество всегда говорил, что относится к вам с уважением.

Я невесело усмехнулась.

– Понятно. Можете дальше не объяснять.

За годы работы я научилась распознавать вежливые формулировки, за которыми не было ничего, кроме желания закончить неудобный разговор. В личной жизни, правда, этот навык почему-то работал хуже. Там я долго предпочитала слышать не то, что мне говорили, а то, во что хотелось верить.

Марта подняла на меня глаза.

– Вы не расстроились?

Я посмотрела на неё. Не из любопытства спросила – по-настоящему тревожилась.

– Сейчас я больше расстроена из-за того, что не узнаю собственное лицо, – честно ответила я. – На принца, боюсь, сил уже не осталось.

Марта стиснула губы, но я всё равно заметила, как дрогнули уголки её рта.

– Вы что-то смешное подумали? – спросила я.

– Нет, госпожа, что вы…

– Марта, я пока ничего о вас не помню, но лицо вижу вполне хорошо.

Она прижала ладонь к щеке и отвела взгляд.

– Просто раньше у вас на Его Высочество силы всегда находились. Даже когда ни на что другое уже не было.

Я посмотрела на неё, и мы обе неожиданно улыбнулись. Улыбка получилась слабая, неловкая, но после всего пережитого даже она показалась облегчением.

– Тогда начнём с бульона, – сказала я, снова берясь за ложку. – С ним у меня хотя бы есть шанс разобраться без дополнительных объяснений.

Марта тихо рассмеялась и подвинула поднос ближе. Бульон оказался вкусным: горячим, в меру солёным, с мелко нарезанной зеленью. После нескольких ложек у меня перестали дрожать руки. Марта наблюдала за мной с таким сосредоточенным удовольствием, что я не выдержала:

– Я что, раньше совсем не ела?

– В последнее время плохо, – призналась она. – То не хотелось, то платье должно было хорошо сидеть. Я вам говорила, что от кусочка хлеба оно хуже не станет, а вы сердились.

Я опустила взгляд на тонкое запястье. Девушку стало жалко. До этого момента я думала о ней как о чужом лице в зеркале, о невозможной оболочке, в которой оказалась по чьей-то ошибке. Теперь за этим лицом начали проступать привычки, переживания, нелепые надежды. Она любила красивого мужчину, не ела, чтобы лучше сидело платье. Наверное, ждала, что однажды он посмотрит на неё иначе.

Мне было сорок, и я прекрасно знала, что возраст сам по себе не спасает от подобных глупостей. В двадцать три я тоже умела объяснить чужое равнодушие чем угодно, кроме самого очевидного. Только где теперь была она? Этот вопрос

я не могла задать Марте.

– Я вас часто обижала? – спросила вместо этого.

Марта удивлённо моргнула.

– Нет, госпожа. Почему вы так решили?

– Вы всё время ждёте, что я рассержусь.

Она некоторое время молчала, разглаживая фартук на коленях.

– Вам в последнее время было тяжело, – сказала наконец. – Иногда лучше было лишний раз не спрашивать.

Я кивнула и снова взялась за ложку. Не мне сейчас судить человека, о котором я знала только то, что ему было плохо.

За окном раздался протяжный низкий звук. Я подняла голову. По комнате скользнула тень – широкая, стремительная, на мгновение закрывшая солнечный свет. Сначала я подумала о самолёте. Потом за башней показалось крыло: огромное, тёмное, с отчётливо различимыми перепонками. Следом над крышей поднялась длинная шея, блеснула на солнце чешуя, и существо, которого не должно было существовать, повернуло над двором.

Ложка стукнулась о край тарелки.

– Марта…

Она проследила за моим взглядом.

– Стража вернулась с облёта. Сегодня поздно, наверное, у западных ворот задержались.

Я смотрела, как дракон закладывает широкий поворот возле башни. Не рисунок, не картинка на экране. Он засло-

нял собой часть неба, и по движению крыльев было видно, какое огромное усилие держит это тело в воздухе.

– Это дракон? – спросила я очень тихо.

Марта посмотрела на меня с прежней тревогой.

– Да, госпожа. Вы и их не помните?

Я попыталась ответить, но из горла вырвался короткий, неуместный смешок. Потом ещё один.

– Ох, Господи… – Я прикрыла рот ладонью. – Простите. Я не над вами смеюсь, просто у меня, кажется, больше нет подходящей реакции.

Марта осторожно забрала поднос. И правильно сделала, потому что через несколько секунд я всё-таки заплакала. Не красиво, как плачут в кино, когда одна слеза медленно сползает по щеке. Я согнулась, вцепилась пальцами в край одеяла и заплакала так, что не могла ничего объяснить.

Мне не нужен был дворец. Не нужны были молодое лицо, длинные волосы и двадцать три года. Я хотела домой – в свою маленькую кухню, где у холодильника постоянно отходил уголок линолеума. Хотела услышать, как Ирка ругается на меня за очередную задержку на работе. Хотела взять телефон и увидеть непрочитанное сообщение, а потом ответить какую-нибудь ерунду, даже не задумываясь о том, какое это счастье – иметь возможность написать знакомому человеку.

Вчера утром я сердилась, что на любимой кружке появилась трещина. Теперь я бы отдала многое, чтобы снова стоять перед этой кружкой и переживать только о ней. Марта

села рядом и неловко обняла меня за плечи.

– Ну что вы, госпожа… Ох, бедная вы моя. Лекарь же сказал, вам станет легче. Не всё сразу, но станет.

Я уткнулась лбом ей в плечо. Ткань её платья пахла мылом и тёплым бельём. Она не знала, что случилось на самом деле, и утешала совсем не ту женщину, которую думала утешить. Но больше у меня никого не было.

* * *

Когда я проснулась во второй раз, солнце уже светило ниже. Некоторое время я лежала неподвижно, прислушиваясь к себе. Голова почти не болела. На ресницах чувствовалась неприятная сухость после слёз, в горле першило, а возле кровати тихо звякала посуда.

Марта сидела у столика и что-то зашивала. Увидев, что я открыла глаза, она сразу отложила работу.

– Как вы, госпожа? Воды подать?

Я кивнула и приняла чашку. Сон ничего не исправил: руки остались чужими, комната – незнакомой, а за окном по-прежнему виднелась башня, возле которой летал дракон. Зато паника немного отступила. Наверное, организм просто устал бояться с прежней силой.

Я сделала несколько глотков и посмотрела на Марту.

– Спасибо, что остались.

Она смутилась.

– Так куда же мне было уходить? Я ваша камеристка.

– И всё равно спасибо, – повторила я. – Мне было бы го-

раздо хуже одной.

Марта опустила взгляд, поправила лежащую на коленях ткань и вдруг спросила:

– А вы правда совсем ничего про нас не помните?

Я покачала головой.

– Ничего. Придётся вам какое-то время отвечать на дурацкие вопросы.

– Вы спрашивайте, – сказала она уже увереннее. – Только сегодня больше не плачьте, пожалуйста. У вас и так глаза опухли.

Я невольно потянулась к лицу.

– Очень страшно выгляжу?

Марта посмотрела внимательно, как будто собиралась дать ответ не из вежливости, а по существу.

– Устало. Сейчас волосы поправим, и будет получше.

Мне понравилось, что она не стала уверять, будто я прекрасна даже после приступа отчаяния. Она помогла мне устроиться повыше, убрала лишнюю подушку и начала переплетать косу. Её пальцы двигались осторожно, не задевая повязку. Я сидела тихо, прислушиваясь к шороху волос.

В дверь постучали. Марта замерла с косой в руках.

– Одну минуту, – сказала она, быстро закрепила ленту и поднялась.

Я не сразу заметила, как изменилось её лицо, когда она открыла дверь. Сначала услышала мужской голос – низкий, спокойный, негромкий.

– Она не спит? Эмрис сказал, можно зайти ненадолго, но, если леди Велл отдыхает, я приду позже.

– Не спит, Ваше Величество.

Марта отступила и глубоко присела. Я машинально поправила одеяло.

В комнату вошёл мужчина. Не такой ослепительно красивый, как утренний посетитель. У этого красота вообще не была первым, на что обращаешь внимание. Сначала замечались рост, широкие плечи и спокойная уверенность в движениях. Потом – тёмные волосы с заметной сединой у висков, морщинки возле глаз, тяжёлый внимательный взгляд. На нём был тёмный камзол без обилия украшений: только небольшая застёжка у горла и кольцо на правой руке. Хорошая ткань, безупречный крой, ничего лишнего.

Лет пятьдесят с небольшим, решила я по привычке. Может быть, больше. Он остановился не возле самой кровати, а в нескольких шагах, оставив мне достаточно пространства. За это я уже была готова его полюбить. В самом невинном смысле, конечно.

– Добрый вечер, леди Велл. Я Арден, – представился он так, будто мы встретились в обычном доме и он не был человеком, которому только что присели в глубоком поклоне. – Мне сказали, вы пришли в себя. Хотел узнать, как вы себя чувствуете, и, если у вас хватит сил, задать несколько вопросов о вчерашнем.

Я выпрямилась, насколько позволяли подушки. Волосы

почему-то сразу начали мешать, а рубашка показалась слишком домашней. Что было совершенно нелепо: после всего случившегося мне следовало беспокоиться о чём угодно, только не о собственном виде перед незнакомым мужчиной. Но я всё равно пригладила косу.

– Чувствую себя лучше, – ответила я. – А вот с вопросами может не получиться. Я пока мало что понимаю.

Он посмотрел на меня внимательнее. Не с жалостью и не с тем осторожным недоверием, которое появлялось у Риана. Просто слушал.

– Тогда не будем торопиться. Вы скажете только то, что можете.

От звука его голоса у меня неожиданно перестали сжиматься плечи. Я заметила это и мысленно попросила себя не делать далеко идущих выводов. Мужчина всего лишь разговаривал нормально. После утренней беседы даже этого хватало для приятного впечатления.

Хотя дело, если уж быть честной, было не только в разговоре. Мне нравились мужчины такого возраста. Всегда нравились, даже когда я сама была моложе. Не все подряд, разумеется, и уж точно не за одну седину. Но в этом было что-то очень притягательное: спокойное лицо, сильные руки, отсутствие необходимости немедленно доказывать всем присутствующим собственную значительность.

Я посмотрела на его ладонь, лежавшую на спинке стула, и поспешно подняла глаза. Пожалуй, лекарь слишком хорошо

убрал головную боль. У меня начали появляться совершенно несвоевременные мысли.

За плечом короля мелькнул синий рукав. Оказалось, Риан тоже вернулся – просто задержался у двери, пока я рассматривала другого человека.

– Отец, я же говорил, она даже меня не узнала, – произнёс он, подходя ближе. – Эмрис считает, память пострадала после падения. Возможно, расспросы о галерее сейчас только её утомят.

Я перевела взгляд на принца, потом на короля. Теперь, когда они стояли рядом, сходство стало заметным. Та же линия скул, похожая посадка головы, хотя выражение лица у старшего было совсем другим. Отец. Вот, значит, как.

Арден слегка повернулся к сыну.

– Именно поэтому я сначала спросил, готова ли леди Велл разговаривать. Думаю, она сумеет сказать нам, когда захочет отдохнуть.

Ни окрика, ни раздражения. Но Риан замолчал. А король снова посмотрел на меня.

– Можно я сяду?

– Да, конечно, – ответила я и зачем-то поправила уже ровно лежавшее одеяло. – Только, пожалуйста, не ждите от меня связного рассказа. День получился немного сложнее, чем я рассчитывала.

У его глаз появились мелкие складочки.

– Это я уже понял.

Он улыбнулся. Не широко, не для того, чтобы расположить к себе испуганную девушку. Скорее потому, что услышал в моих словах что-то ему понятное. Я почувствовала, как у меня теплеют щёки, и очень понадеялась, что это спишут на недавнюю болезнь.

Его сын всё ещё стоял рядом – красивый, молодой, слегка недовольный тем, что разговор пошёл без его участия. Я посмотрела на него и впервые за весь день ощутила искреннее облегчение. По крайней мере, с одной проблемой Лианы всё было ясно: переживать из-за равнодушия принца я точно не собиралась. Вот с его отцом, судя по всему, следовало быть поосторожнее.

Глава 2. У вас воротник неправильно лежит

Арден придвинул стул к кровати, но садиться не торопился: сначала посмотрел, удобно ли мне, потом дождался, пока Марта уберёт с подлокотника забытое полотенце. В его движениях не было ни показной учтивости, ни той суеты, с которой люди иногда пытаются изобразить участие. Он просто не хотел мешать. После знакомства с этим миром такая мелочь произвела на меня неожиданно сильное впечатление. Правда, любоваться гостем сколько хотелось мне не дали: Риан подошёл ближе и остановился у изножья, сложив руки за спиной. По его лицу было видно, что уйти он не может, а оставаться ему уже не особенно приятно.

– Прежде всего я хотел бы понять, что случилось в галерее, – начал король, устроившись на стуле. – Не пытайтесь вспоминать через силу. Иногда после потрясения сохраняется какая-нибудь мелочь: голос, запах, человек возле двери. Вы можете не придавать этому значения, а для нас такая подробность окажется полезной.

– Я понимаю, только у меня нет даже мелочей, – призналась я, осторожно поправляя подушку за спиной. – Когда я проснулась, здесь был ваш сын. До этого… ничего, что я могла бы связать с этой комнатой или с галереей. Простите, на-

верное, вы рассчитывали услышать что-нибудь более вразумительное.

– Я рассчитывал услышать то, что вы помните, а не то, что было бы удобно мне, – ответил Арден и чуть наклонил голову, разглядывая меня внимательнее. – Вам не за что извиняться. В галерее были и другие люди, мы поговорим с ними.

Риан переступил с ноги на ногу, зацепив сапогом край ковра, и я невольно посмотрела на него. Он тут же воспользовался моим вниманием:

– После нашего вчерашнего разговора вы ушли в сторону зимнего сада. Возможно, если восстановить всё по порядку… Мы говорили возле музыкальной гостиной, вы были расстроены. Помните, я просил вас не придавать такого значения приглашению на танец?

Я посмотрела на него, потом на короля. Мне очень не хотелось опять обсуждать чужую несчастную любовь, особенно при мужчине, который только что мне понравился. Но ещё меньше хотелось притворяться, будто в моей голове сейчас хоть что-то прояснится, если красивый принц ещё раз напомнит, как настойчиво его добивались.

– Послушайте, я верю, что мы об этом разговаривали, – сказала я, стараясь не звучать сердито. – Но для меня сейчас всё, что вы перечисляете, совершенно незнакомо. Музыкальная гостиная, зимний сад, приглашение… Я даже не знаю, как туда пройти. Может быть, потом что-нибудь вспомнится, но сейчас от этих подробностей я только боль-

ше путаюсь.

Риан приоткрыл рот, собираясь возразить, однако Арден заговорил раньше:

– Тогда на сегодня остановимся. Риан, передай начальнику стражи, что мы продолжим утром, и попроси его пока не присылать сюда людей с вопросами. Леди Велл ещё не оправилась настолько, чтобы принимать всех, кому нужно поговорить. Северную галерею до окончания проверки защиты оставьте закрытой.

Принц кивнул, хотя поручение ему явно не понравилось. Со мной он попрощался подчеркнуто вежливо, пожелал скорейшего выздоровления и перед уходом задержал взгляд на моём лице. Я не поняла, чего он ждал: признака узнавания, просьбы остаться или хотя бы привычного смущения. Ничего подходящего у меня не нашлось, и дверь за ним закрылась с чуть большим усилием, чем требовалось.

Несколько секунд мы молчали. В камине осело полено, Марта потянулась к щипцам, а я обнаружила, что всё это время сжимала край одеяла. Пришлось по одному разогнуть пальцы. Арден заметил движение, но не стал делать вид, будто ничего не видел, и не начал немедленно меня успокаивать. Он просто подождал, пока я снова подниму глаза.

– Вы боитесь, что с вами ещё что-нибудь случится? – спросил он. – Если дело в этом, возле ваших покоев будет дежурить стража. Не потому, что мы ожидаем нападения, а чтобы вас не беспокоили без разрешения лекаря.

Я задумалась, насколько откровенный ответ способен выдержать незнакомый король. Например, признание, что я больше всего боюсь завтра проснуться третьим человеком в совершенно другом месте, ему вряд ли понравилось бы. Поэтому пришлось выбрать ту часть правды, которая звучала не совсем безумно.

– Я боюсь, что все вокруг знают, как мне полагается себя вести, а я не знаю, – объяснила я. – Сейчас кто-нибудь войдёт, и окажется, что я должна его любить, помнить или благодарить за что-то очень важное. А я даже не пойму, кто это. Наверное, со стороны такое выглядит ужасно невежливо.

Арден выслушал меня, не перебивая. Усталые складки возле его рта стали заметнее, когда он перестал слегка улыбаться.

– Это выглядит так, будто вы перенесли тяжёлую болезнь, – сказал он. – Вежливость подождёт. А тем, кто решит обидеться на вас сегодня, придётся пережить это самостоятельно.

От неожиданности я тихо фыркнула и тут же смутилась. Король посмотрел на меня с явным удовольствием человека, которому удалось хоть немного разрядить неприятный разговор. Вблизи его глаза оказались не голубыми, как у сына, а серыми, с тёплыми светлыми вкраплениями возле зрачка. Я заметила это и сразу отвела взгляд, потому что смотреть человеку в лицо можно по-разному. Я уже начинала смотреть не так, как положено благодарной больной.

– Мне нравится ваш подход, – призналась я. – Только вы, пожалуйста, тоже не обижайтесь, если я что-нибудь скажу не по правилам. Меня предупредили, как к вам обращаться, а обо всём остальном, видимо, придётся узнавать постепенно.

– Договорились, – ответил он, поднимаясь. – Но сегодня вы уже достаточно потрудились. Поужинайте, поспите, а вопросы оставьте до утра. Марта, если лекарь понадобится ночью, не ждите рассвета. Ему передадут, что он должен прийти сразу.

Он попрощался и вышел, оставив после себя едва уловимый запах прохладного воздуха и чего-то древесного. Я проводила его взглядом, а потом заметила, что Марта смотрит на меня. Не с улыбкой и не с многозначительным прищуром, а настороженно, словно я только что неожиданно заговорила на неизвестном ей языке.

– Что такое? – спросила я, пытаясь незаметно проверить, не распахнулась ли у меня рубашка. – Я всё-таки сделала что-нибудь не то? Может быть, надо было встать?

– Вам нельзя вставать без помощи, госпожа, – поспешно ответила она, подходя к столу. – Просто вы с Его Величеством раньше почти не разговаривали. На приёмах отвечали, когда он обращался, но вот так, чтобы… – Она замялась, подбирая слово, и наконец закончила: – Чтобы вам было легко, я не помню.

Легко мне не было. В голове оставалось столько страха и недоумения, что при желании можно было снова начать

плакать прямо сейчас. Но разговаривать с Арденом действительно оказалось приятно, а эту неожиданную радость я пока предпочла оставить при себе.

Перед сном Марта помогла мне разобраться хотя бы в самом необходимом. Лиана Велл была дворянкой, дочерью человека, много лет служившего короне. Оба её родителя умерли, и при дворе она появилась почти год назад, воспользовавшись приглашением на весенние празднества. Потом осталась дольше, чем собиралась. Марта об этом говорила осторожно, но причину задержки мы уже обсуждали, и возвращаться к ней не хотелось ни одной из нас. Деньги у Лианы имелись, хотя, судя по Мартиному выражению лица, тратиться стоило осмотрительнее. Подробности она обещала показать, когда мне станет лучше.

Я слушала и постепенно понимала, что у этой девушки действительно была целая жизнь, а не только красивое лицо и неудачное увлечение принцем. Кто-то присылал ей письма, кто-то ожидал ответов, в шкафу лежали выбранные ею вещи, а Марта помнила, какой чай она любит. От мысли, что теперь со всем этим предстоит иметь дело мне, снова стало не по себе. Однако усталость оказалась сильнее. Уже засыпая, я попросила оставить возле кровати немного воды и не гасить огонь полностью. Марта согласилась без вопросов, и за это я была ей благодарна едва ли не больше, чем за всё остальное.

Утром я несколько секунд лежала с закрытыми глазами, слушая, как кто-то ходит по комнате. Очень хотелось, чтобы

сейчас за стеной загудела стиральная машина соседки или во дворе кто-нибудь начал безуспешно заводить автомобиль. Вместо этого звякнул кувшин, пахнуло горячим хлебом, а Марта негромко спросила, проснулась ли я. Пришлось открывать глаза и принимать действительность в том виде, в каком она мне досталась.

На этот раз зеркало я попросила сама. Рассматривала себя долго, уже без вчерашней паники, хотя ощущение чужого лица никуда не делось. После сна на щеке отпечаталась складка наволочки, у переносицы виднелась крохотная веснушка, которую я раньше не заметила, а одна бровь приподнималась чуть выше другой, когда я хмурилась. Эти несовершенства почему-то успокаивали. Передо мной была не ожившая фарфоровая кукла, а обычная молодая женщина, которой сейчас очень хотелось умыться.

Марта принесла платье нежного сиреневого цвета, украшенное кружевами, складками и мелкими тканевыми цветами. Всё вместе выглядело так, будто несколько человек по очереди пытались сделать его нарядней и ни один не знал, когда остановиться. Но ткань была хорошая, мягкая, с красивым неброским блеском, а сам цвет Лиане шёл. Я провела пальцами по рукаву и спросила, обязательно ли надевать поверх него ещё и кружевную накидку, которую Марта уже разложила на спинке кресла.

– Она закрывает вырез, – объяснила та. – А вот эта вставка пристёгивается спереди. Вы всегда просили её подавать,

говорили, что без неё слишком просто.

– Давайте сначала посмотрим без вставки, – предложила я. – Я сегодня и сама пока довольно простая, без особенных украшений. Не хочется, чтобы платье выглядело наряднее, чем мне сейчас хочется.

Марта не сразу поняла, шучу ли я, но вставку отложила. Потом помогла мне надеть платье и взялась за шнуровку на спине. На первом движении я не обратила внимания, на втором выпрямилась, а на третьем обнаружила, что нормально вдохнуть уже не получается.

– Ой, подождите, пожалуйста! – Я ухватилась за край столика и повернулась к ней через плечо. – Давайте немного отпустим. Совсем не обязательно собирать меня уже, чем я есть.

– Но вы всегда велели потуже, – растерялась Марта, сразу ослабляя шнурки. – Здесь талия должна быть вот такой, иначе складки немного расходятся.

– Значит, сегодня складкам придётся потерпеть, – пробормотала я и наконец вдохнула полной грудью. – Посмотрите, плечи сразу встали на место. Это не я для него неправильная, это его слишком сильно стянули. Вот так хорошо, больше не надо.

Марта провела ладонью по боковому шву, проверила, как ложится ткань, и медленно кивнула. Платье действительно стало сидеть лучше. Мы убрали ещё два съёмных банта, оставили кружево на рукавах и долго разбирались с причёс-

кой, потому что я категорически не хотела, чтобы голову тянуло назад от шпилек. В итоге Марта уложила косы так, что они не задевали повязку, и выпустила возле висков несколько мягких прядей.

Я посмотрела на результат и впервые подумала, что с этим лицом, возможно, удастся подружиться. Не сразу, конечно. Пока я чувствовала себя человеком, которого без предупреждения поселили в чужой квартире: всё красивое, всё исправное, но даже выключатель ищешь не с той стороны. Только здесь не было возможности позвонить хозяевам и спросить, где лежат запасные ключи.

Завтрак принесли на маленьком столике с колёсами. Я с интересом посмотрела на кашу, яйцо, хлеб и тарелку с нарезанной грушей, а Марта остановилась возле меня с таким видом, будто ожидала указаний, что следует унести обратно.

– Ничего не убирайте, я сначала попробую, – попросила я. – И скажите, пожалуйста, почему вы вчера так удивились, когда я нормально поела? Платья я уже видела, но ради них всё-таки не стоит голодать до обморока.

Марта помялась, потом подошла поправить салфетку, хотя та лежала ровно.

– Его Высочество однажды заметил, что леди Нарисса удивительно изящна, – сказала она, глядя на край стола. – Вы тогда расстроились. Потом портнихе велели ушить два платья, а ужины начали возвращать почти нетронутыми. Я вам говорила, что вы и так стройная, только вы не слушали.

Я положила нож и некоторое время смотрела на неё молча. Не хотелось говорить ничего грубого ни про принца, ни про девушку, которая восприняла его случайное замечание как руководство к действию. Но внутри поднялась знакомая злость: за годы в магазине я слишком часто видела женщин, готовых искренне ненавидеть собственное тело из-за чьей-то небрежной фразы.

– Давайте пока оставим леди Нариссу в покое, – сказала я наконец. – Она, наверное, даже не подозревает, что из-за её талии здесь пропадали хорошие продукты. А я позавтракаю. Когда придёт лекарь, ему будет приятнее увидеть меня сидящей, а не лежащей на полу.

Марта рассмеялась, прикрыв рот ладонью, и впервые за всё утро перестала смотреть на меня как на сосуд с трещиной. Я тоже улыбнулась и принялась за яйцо. Аппетит оказался вполне обычным, без чудес и зверского голода, но сама возможность решать, сколько съесть, неожиданно доставляла удовольствие.

Эмрис появился ближе к полудню. На этот раз его светящиеся нити не заставили меня шарахаться, хотя я всё равно следила за каждым движением. Он остался доволен тем, что я поела, проверил повязку и разрешил немного пройтись по крытой галерее возле жилого крыла. Обязательно с Мартой, без лестниц и без попыток доказать кому-либо, что я совершенно здорова.

– Я ничего никому доказывать не собираюсь, – заверила

я его, пока Марта набрасывала мне на плечи лёгкую шаль. – Мне бы просто посмотреть, что находится за дверью. А то пока я знаю только спальню, камин и людей, которые приходят выяснять, помню ли я их.

– Тогда начинайте с галереи, она не станет задавать вам вопросов, – ответил лекарь, собирая свои принадлежности. – И возвращайтесь, как только устанете. Не через полчаса после того, как устанете, а сразу. По вашему лицу я вижу, что эту часть лучше объяснить отдельно.

Я честно пообещала, хотя последнее замечание прозвучало подозрительно знакомо. В прежней жизни Ирка регулярно объясняла мне примерно то же самое, только гораздо менее учтивыми словами.

За дверью оказалось красиво и непривычно тихо. Свет из высоких окон ложился на каменный пол длинными прямоугольниками, возле стен стояли большие растения в расписных кадках. От влажной земли и листьев пахло почти по-домашнему: у нас в торговом центре между этажами тоже пытались разводить зелень, только там она обычно выглядела так, будто мечтала уволиться раньше меня. Здесь за растениями явно следили лучше. Я остановилась возле небольшого деревца с круглыми блестящими листьями, потрогала один кончиком пальца и вдруг поймала себя на том, что впервые за двое суток просто рассматриваю что-то из любопытства, а не пытаюсь понять, угрожает ли оно моей жизни.

Спокойствие продержалось недолго. Навстречу нам вы-

шли две женщины, одетые так тщательно, будто каждая собиралась стать главным украшением ближайшего помещения. Одна, темноволосая, с тонкой золотой цепочкой на лбу, сразу замедлила шаг.

– Лиана, какое счастье видеть вас на ногах! – воскликнула она, останавливаясь передо мной. – Мы так испугались, когда услышали о случившемся. Говорят, принц сам приходил вас навестить. Надеюсь, после этого вам стало значительно легче?

Марта рядом едва заметно напряглась. Я посмотрела на незнакомку, пытаясь определить, что в её голосе мне не нравится. Слова были любезные, улыбка тоже, но вопрос о принце она задала с таким интересом, будто всё остальное служило только предисловием.

– Легче мне стало после того, как лекарь убрал головную боль, – ответила я. – Но принц действительно заходил, спасибо ему за внимание. Простите, а как вас зовут? Я пока никого не узнаю и боюсь, что это будет мешать разговаривать.

Женщина моргнула. Её спутница, до этого молчавшая, посмотрела на меня уже без улыбки.

– Вы правда не помните? Я Дорина. Мы вместе ужинали у леди Весс на прошлой неделе, – произнесла темноволосая и чуть наклонилась ко мне. – Ох, бедная. Значит, и разговора с Его Высочеством перед падением не помните?

– Не помню, – ответила я, чувствуя, что начинает ныть висок. – Мне уже несколько человек о нём рассказали, но

это пока не помогло. Может быть, не будем ещё раз? Лекарь просил не утомляться, а я только вышла из комнаты.

Вторая женщина тут же коснулась локтя Дорины и пожелала мне скорейшего выздоровления. Та тоже произнесла что-то подходящее, хотя по её лицу было видно: беседа окончилась совсем не там, где она рассчитывала. Я дождалась, пока они отойдут, и посмотрела на Марту.

– Они мои подруги или просто любопытные? Только скажите честно, а то я пока не понимаю, кому здесь можно верить.

Марта проводила женщин взглядом и осторожно поправила шаль у меня на плече.

– Леди Дорина любит быть в курсе всего, что происходит при дворе. Вы раньше рассказывали ей… многое. Иногда потом жалели, но она умеет расположить к себе, когда хочет.

Я кивнула и пошла дальше. Значит, одного человека уже можно было не пытаться вспоминать слишком усердно. Правда, радости от этого открытия не прибавилось. Неприятно было думать, что вчера я лежала почти без дыхания, а кто-то уже выяснял, насколько трогательно отреагировал принц. Очень хотелось, чтобы в этом мире нашлось что-нибудь, не связанное с моим предполагаемым несчастьем.

Таким чем-то оказался король.

Он вышел из боковой двери в сопровождении двух мужчин, один из которых держал папку, а другой пытался на ходу что-то объяснить. Арден слушал, чуть склонив голову, и при

этом время от времени проводил пальцем под краем высокого воротника. Движение было небольшим, почти незаметным, но я увидела его сразу. Наверное, потому что на людей в хорошо сшитой одежде всегда смотрела с профессиональным интересом, а на этого человека у меня имелись ещё и личные причины посмотреть.

Заметив нас, Арден остановился, договорил со спутниками и отпустил их вперёд. Марта поспешно присела, я попыталась последовать её примеру, но вовремя поняла, что после поклона могу не выпрямиться так изящно, как хотелось бы.

– Не надо, леди Велл, – сказал он, заметив моё движение. – Вчера мы вроде бы договорились, что церемонии немного подождут. Эмрис уже разрешил вам гулять или вы решили воспользоваться тем, что он отвернулся?

– Разрешил, только недалеко и под присмотром, – ответила я, кивнув на Марту. – Мне объяснили условия настолько подробно, что нарушить их по незнанию не получится. Вы не волнуйтесь, я не собираюсь тайком бежать в город.

– Это хорошо, потому что к побегу обычно готовятся основательнее, – заметил Арден, скользнув взглядом по моим мягким туфлям. – Хотя выбор одежды сегодня гораздо разумнее, чем у большинства людей, которых я видел с утра. Вам не холодно?

Я покачала головой, а он снова поправил воротник. На этот раз ткань заметно натянулась возле левого плеча. Я по-

смотрела на образовавшуюся складку, потом на его шею, где уже виднелась узкая красная полоска. Арден перехватил мой взгляд и слегка нахмурился.

– Что-то не так? Вы опять побледнели. Может быть, всё-таки стоило остаться в комнате?

– Нет, со мной всё в порядке, – поспешно ответила я. – Просто у вас воротник неправильно лежит. Простите, я не собиралась так пристально рассматривать, но вы всё время его поправляете, а он от этого только сильнее тянет.

Марта рядом перестала шевелиться. Арден медленно опустил руку и посмотрел на ворот своего камзола, насколько вообще можно посмотреть на собственный ворот без зеркала.

– Неправильно? – переспросил он, и в голосе прозвучало любопытство. – Мне с утра несколько человек сказали, что новый камзол очень удачный. Правда, я начинал подозревать, что носить его придётся кому-нибудь другому.

– Сам камзол хороший, – сказала я, уже не в силах остановиться. – И ткань хорошая, и в плечах он вам подходит. Но здесь что-то тянет стойку внутрь. Видите, край уходит к шее, а слева складка получается? Похоже, подкладку в этом месте сделали короче, чем нужно. Точно портной скажет, когда посмотрит шов, но вот так терпеть совсем не обязательно.

Арден провёл пальцами по указанному месту, и я невольно проследила за движением. Руки у него были крупные, с длинными пальцами и аккуратными ногтями. На костяшке

среднего пальца белел старый шрам. Я успела заметить и его, прежде чем одёрнула себя: воротник, Люба, ты вообще-то объясняла про воротник.

– Можно расстегнуть верхний крючок, если он здесь есть, – добавила я. – Только это не исправит посадку, а просто даст вам немного передохнуть. И не надо дёргать его вниз, вы так шею только сильнее натрёте.

Король послушно нашёл застёжку и освободил ворот. Между краями показалась белая ткань рубашки, а на его лице появилось настолько откровенное облегчение, что я не выдержала и улыбнулась.

– Вот, сразу лучше, правда? А то у вас был вид человека, который пытается вести важный разговор, пока его кто-то незаметно душит.

Арден посмотрел на меня, потом коротко рассмеялся. Не учтиво улыбнулся, как вчера, а действительно рассмеялся, отведя голову чуть назад. Марта окончательно растерялась, а я испытала совершенно несерьёзную гордость за себя. Вот ведь странное дело: вчера я рыдала, держась за чужую руку, а сегодня уже радовалась, что рассмешила понравившегося мужчину. Видимо, человек всё-таки не может беспрерывно ужасаться, даже когда основания для этого имеются.

– Приблизительно так всё и происходило, – признался Арден. – Я третий час стараюсь не обращать внимания, потому что утром мне объяснили, что ткань должна немного улечься. Судя по вашим словам, ждать этого бесполезно?

– Если подкладка короткая, она от хорошего отношения длиннее не станет, – ответила я и тут же смутилась от собственной уверенности. – Но вы всё-таки покажите мастеру. Я не портниха, могу ошибаться. Просто такие вещи хорошо видно, когда человек двигается.

– Вы занимаетесь одеждой? – спросил он, уже без улыбки, но с тем же интересом. – Я не знал. Впрочем, за нашими прежними разговорами у нас едва ли была возможность обсудить что-нибудь подобное.

Я замялась. Ответ едва не сорвался с языка сам собой: да, много лет, по двенадцать часов на ногах, с коротким перерывом на обед, когда повезёт. Но это была моя биография, а не биография девушки, чьим именем он меня называл. Придумывать историю о внезапно вспомнившемся увлечении не хотелось. Я и так уже путалась в достаточном количестве обстоятельств.

– Я не знаю, как вам объяснить, – сказала я наконец. – О людях здесь ничего не помню, а вот на одежду смотрю и понимаю, где неудобно. Наверное, раньше обращала на это внимание. Извините, звучит странно.

– После вчерашнего у вас есть право на некоторые странности, – ответил Арден. – К тому же эта оказалась полезной. Мне теперь придётся выяснить, почему ни один человек из тех, кто хвалил камзол, не заметил того, что заметили вы.

– Может быть, они просто не знали, что вам мешает, – предположила я. – Со стороны всё выглядит красиво. Вы

ведь не говорили, что ворот давит?

Он задумался, и по его лицу я поняла ответ раньше, чем услышала.

– Нет. Я спросил, хорошо ли он сидит. Мне ответили, что хорошо, после чего мы перешли к другим вопросам.

– Ну вот. – Я развела руками и почувствовала, что улыбаюсь уже совершенно свободно. – На то, что вы спросили, вам ответили. А сказать, что давит, всё-таки придётся самому. Люди иногда очень стараются помочь, только не всегда понимают, в чём именно нужна помощь.

Арден посмотрел на меня чуть внимательнее. На мгновение мне показалось, что разговор незаметно вышел за пределы портновского искусства, хотя я ничего такого в свои слова не вкладывала. Потом король снова улыбнулся и поправил расстёгнутый край воротника.

– Хорошо, постараюсь в следующий раз выразиться понятнее. Вы всегда так спокойно объясняете людям, что они сами виноваты в своих неудобствах?

– Ой, нет, я совсем не это имела в виду, – поспешила сказать я, но тут заметила, как он сдерживает улыбку, и выдохнула. – Вы сейчас надо мной смеётесь? А я уже думаю, как бы извиниться так, чтобы не стало ещё хуже.

– Совсем немного, – признался он. – Простите. У меня с утра было три довольно тяжёлых разговора, а сейчас впервые за несколько часов стало не только удобнее, но и веселее.

От этих слов у меня тепло разлилось под рёбрами. Я пре-

красно понимала, что это ещё ничего не значит. Взрослый мужчина вполне может быть вежливым, внимательным и обладать чувством юмора, не имея на тебя никаких планов. Однако здравый смысл не мешал радоваться тому, что ему сейчас хорошо рядом со мной.

Наверное, я бы ещё постояла, если бы ноги не напомнили, что сил пока мало. Я чуть переместила вес, собираясь незаметно опереться на край подоконника, но Арден увидел движение.

– А теперь вы скажете мне, что устали, – произнёс он уже другим тоном. – Здесь рядом есть скамья. Давайте сначала сядем, а потом решим, можно ли вам продолжать прогулку.

– Вообще-то мне велели сразу возвращаться, – призналась я, сердясь на собственную слабость. – Но посидеть минуту было бы хорошо. Только не надо пугаться, у меня ничего не болит, просто сил пока меньше, чем кажется.

Он предложил мне руку, и я приняла её раньше, чем успела смутиться. Под тканью камзола ощущалось крепкое предплечье, а сам Арден подстроился под мой шаг так естественно, будто мы не в первый раз куда-то шли вместе. От этой простой поддержки стало неожиданно уютно. Я села на скамью возле окна, Марта тут же поправила шаль, а король остался стоять рядом, заслоняя меня от движения в галерее.

Несколько минут мы говорили о сущих пустяках. Я спросила, что за деревья стоят в кадках, он объяснил, что летом их выносят в сад и что садовник каждый год спорит с управ-

ляющим о сроках. Потом мимо прошёл мужчина с той самой папкой, остановился на почтительном расстоянии и сделал вид, будто просто любуется видом из окна. Арден заметил его, вздохнул и посмотрел на меня с выражением, которое я понимала без всякого знания придворных порядков.

– Вам пора? – спросила я, чувствуя, что улыбка снова появляется сама собой. – Идите, пожалуйста. А то ваш спутник уже второй раз рассматривает одну и ту же ветку и, по-моему, скоро её возненавидит.

– Боюсь, ветка здесь ни при чём, – ответил Арден и тоже улыбнулся. – Спасибо за совет, леди Велл. Передам портному ваши замечания, только постараюсь не напугать его формулировкой про удушение. А вы возвращайтесь отдыхать. Сегодня вы уже сделали одно полезное дело, этого вполне достаточно.

Он ушёл, а я ещё некоторое время смотрела вслед, пока Марта деликатно не кашлянула. Пришлось вспомнить, что я не одна, не у себя в магазине и вообще должна как-то сохранять достоинство. Я поднялась, опираясь на её руку, и постаралась придать лицу выражение человека, которого интересует исключительно дорога до собственной комнаты.

– Вы с ним так разговаривали, – негромко произнесла Марта, когда мы свернули из галереи в коридор. – Я всё боялась, что вы скажете ещё что-нибудь про одежду, а он рассердится. Но он, кажется, совсем не сердился.

– Надеюсь, – ответила я, чувствуя, как снова теплеют щё-

ки. – Я же не нарочно. Просто вижу, что человеку неудобно, и говорю. У него шея красная была, вы заметили?

Марта посмотрела на меня с таким выражением, что я поняла: шею короля в этой прогулке внимательно изучала только я. Пришлось отвести взгляд, и очень вовремя, потому что возле поворота висел большой портрет женщины в светлом платье. Она была изображена сидящей, без торжественного разворота плеч и без привычной для парадных изображений неподвижности. В одной руке держала закрытую книгу, вторую положила на спинку кресла. Светлые волосы, красивый прямой нос и знакомый изгиб губ заставили меня остановиться.

– Это мать принца? – спросила я, рассматривая лицо. – Они похожи. Я бы, наверное, и без объяснений догадалась.

Марта тоже посмотрела на портрет, и её лицо стало серьёзным.

– Королева Элира. Она умерла десять лет назад. Здесь один из последних портретов, Его Величество велел оставить его именно на этом месте, хотя парадные обычно висят в другой части дворца.

Я ещё немного посмотрела на женщину. Она казалась не холодной красавицей, а человеком, которого отвлекли от чтения и попросили потерпеть, пока художник закончит. От этого портрет почему-то трогал сильнее. Я не стала спрашивать, как она умерла и был ли король счастлив в браке. Такие вопросы сейчас прозвучали бы неприлично даже в моих

собственных ушах. Вместо этого мы с Мартой пошли дальше, а я думала, что за спокойствием Ардена, наверное, тоже стоит немало вещей, о которых посторонний человек не догадается.

В комнате я первым делом села и сняла туфли. Марта принесла воды, велела не вставать, пока она не вернётся с обедом, и ушла, оставив дверь в соседнее помещение приоткрытой. Я осталась одна и с удивлением обнаружила, что не хочу немедленно плакать. Дом по-прежнему вспоминался больно, страх никуда не исчез, но между ними появилось что-то ещё. Я видела галерею, разговаривала с людьми, узнала хотя бы несколько правил этой жизни. И, что гораздо менее разумно, теперь могла вспомнить, как смеётся король.

Я провела ладонью по платью, расправляя складку на колене, и попыталась честно объяснить себе, что именно со мной происходит. Никакой любви, разумеется, не было. Для любви двух разговоров недостаточно, даже если собеседник очень хорош собой и способен одним своим присутствием успокоить чужую панику. Просто мне нравился взрослый, внимательный мужчина. Это было одновременно приятно, неловко и совершенно не вовремя. Впрочем, вовремя у меня подобные вещи не случались и в прежней жизни.

После обеда пришёл Эмрис. Осмотр оказался коротким: лекарь проверил, не вернулась ли головная боль, спросил, как прошла прогулка, и остался доволен тем, что я не пыталась обойти весь дворец за один раз. Я уже собиралась рас-

сказать о своей неожиданной победе над королевским воротником, но он сам заговорил об Ардене.

– Его Величество сказал, что встретил вас в галерее. По его словам, вы выглядели гораздо спокойнее, чем вчера. Это хороший знак, если только вы не скрываете от нас слабость из желания поскорее вернуться к обычной жизни.

– Не скрываю, – ответила я, устраиваясь удобнее в кресле. – Когда устала, села. Потом пришла сюда. Мне самой не хочется снова падать, поверьте.

Эмрис кивнул, некоторое время собирал свои принадлежности, а потом посмотрел на меня с тем выражением, которое у врачей появляется перед вопросом, считающимся деликатным.

– Он ещё спросил, может ли человек так сильно измениться после тяжёлого потрясения, – произнёс лекарь. – Я хотел поговорить об этом и с вами. Марта тоже заметила перемены. Вас они тревожат?

Я медленно убрала руку с подлокотника и положила на колени. Ещё минуту назад хотелось улыбаться, а теперь по спине прошёл холодок. Конечно, они должны были заметить. Я знала это с самого начала, но почему-то до сих пор думала главным образом о людях, которые хорошо знали Лиану. Арден, по его собственным словам, почти с ней не общался. И всё равно ему хватило двух встреч.

– А что вы ему ответили? – спросила я, стараясь не выдать, насколько для меня важны следующие слова.

– Что такие случаи бывают, но судить о вашем состоянии после одного дня было бы неразумно, – ответил Эмрис. – Иногда пережитый страх заставляет человека иначе смотреть на привычные вещи. Иногда он просто перестаёт тратить силы на то, что прежде считал важным. Нам нужно время, леди Велл. И вам в первую очередь.

Он говорил спокойно, без подозрения, и от этого становилось немного легче. Я кивнула, поблагодарила за объяснение и пообещала сообщить, если почувствую что-нибудь странное. Обещание получилось почти смешным: странным в моей нынешней жизни было решительно всё, начиная с лица и заканчивая людьми, которые умели превращаться в драконов. Но Эмрис, кажется, остался доволен и ушёл, велев поспать.

Я некоторое время сидела, глядя на закрывшуюся дверь. Выходило, пока я рассматривала королевские руки, воротник и симпатичные морщинки возле глаз, король тоже меня разглядывал – и не только потому, что я заговорила с ним о неудачно сшитом камзоле. В другой ситуации такое внимание меня бы очень обрадовало. В нынешней стоило бы испугаться и решить, что больше я не стану без необходимости привлекать к себе его интерес.

К сожалению, принять это решение искренне у меня уже не получалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.